

Альтамурская история.

Пуля ударила о скалу в нескольких сантиметрах от его головы и, отрекошетив, с леденящим душой свистом удалилась в сторону солнца. Острые, каменные крошки колючими иглами осыпали бронзовое лицо. Испугаться он не успел, лишь машинально упал за огромный валун и накрыл голову руками. Полежав пару минут в таком состоянии, немного расслабился и облегченно улыбнулся невидимому снайперу: « Вот, сука, в башку мне целился. Хреново, брат, стреляешь». Прислушался. Вроде тихо. Неприятная, какая то, тишина, напряженная. «Откуда же он бил? Наверняка сидит и ждет, когда я высунусь. А если он не один? Надо же было так вляпаться, да еще, перед самым дембелем. Глупо, очень глупо. Все жадность моя, мать ее итить. А все так здорово складывалось»...

День и в самом деле для гвардии-сержанта ВДВ Кирилла Сабурова начался неплохо. Первой парашютно-десантной роте, в которой он служил уже два года, была поставлена задача - встать на «блоки» и прикрыть кабульскую колонну с продовольствием, которою ждали уже несколько недель. Предыдущую «ниточку», практически полностью, раздолбали духи у зеленки Мухамед-Ага, вследствие чего, 56 Десантно-штурмовая бригада уже несколько дней (героически преодолевая изжогу) питался остатками консервированной «Атлантической сельди». Не было хлеба и самое страшное, не было сигарет. За микроскопический окурочек, найденный шнуром, дембеля готовы были простить ему многое. Но окурочков в расположении бригады давно уже не было. Желание затянуться было сильнее всех остальных желаний, даже сладкие объятия обнаженных красоток, Кириллу не снились уже давненько. Когда на утреннем построении ротный объявил, что после обеда рота выступает встречать колонну и отправил механиков-водителей в «парк» готовить БТР-ы, радости Сабурова не было предела. Шансы, добыть курево за пределами части, были гораздо выше. Во-первых, можно было тормознуть ехавшую по дороге барбухайку и купить сигареты у бабая; во-вторых, если повезет и БТР поставят на блок рядом с кишлаком, то тогда можно будет сгонять в магазин и уж там отовариться по полной программе (в магазине можно было купить все - от жвачки, до пулемета). Радостные мысли сержанта, уже мысленно курившего «Данхел», прервал командир роты:

Сабуров, подойди ко мне, - капитан Мирошников, уважаемый в роте человек, был как никогда серьезен. Кирилл не спеша (как никак дембель Советской Армии) подошел к капитану. – Слушаю вас, товарищ капитан.

Сегодня утром был в штабе, приказ о твоем увольнении в запас начальник штаба, наконец то, подписал. С чем я тебя и поздравляю. Вертушки из Кабула прилетят послезавтра, так что пакуй чемоданы, последняя отправка твоя. – Капитан с удовольствием сообщил эту новость Кириллу. Любил он этого бесстрашного парня из Первоуральска. Здорово он помог ему под Алихелем сохранить управление ротой, когда молодой Мирошников недавно прибывший из Союза, растерялся под минометным обстрелом.

Ну, наконец - то! А Горохов?

Вместе с тобой. Два сапога...

Хвала Аллаху! Третий месяц уже переслуживаем. Почему не подписывал так долго? Весь мой призыв уже дома девчонок щупает, только мы с Сергеем тут загораем, забыли про нас что ли? – От радости у Кирилла в зобу дыхание сперло. Ему не верилось, что война для него уже кончилась и, через несколько дней, он хлопнет свою Маринку по аппетитной попке и поведет ее в самый крутой ресторан, «... нет, лучше я посажу ее на мотоцикл, завезу в лес и .... тогда она узнает, что такое настоящий десантник». Мысли его были далеко, очень далеко от Афганистана. В братскую страну его вернул голос ротного:

Можно подумать ты не догадываешься, почему вы с Гороховым в последнюю отправку попали. Сам знаешь, полковник Варцабин непримиримый борец с неуставными взаимоотношениями . Ты что, забыл танцующих после отбоя шнуров?

Вспомнив эту историю, Кирилл поморщился как от зубной боли. Залет получился тогда серьезный. А самое обидное то, что идея устроить ночью дискотеку, в палатке третьего взвода (куда заглянул на огонек страдающий от бессонницы начштаба), пришла в голову не ему, а обкурившемуся другу - Сереге Горохову. Сабуров попал под раздачу, как дежурный по роте сержант. Но, слава богу, все это уже в прошлом. Эта история стоила Кириллу ордена, но на Горохова он зла не держал, друг ведь. Главное, что после завтра на вертушке в Кабул, потом борт на Ташкент, билет на самолет до Свердловска, а там и до дома рукой подать! Неужели все?!

На колонну можешь не ходить, приказать тебе рука у меня не подымется. Ты практически уже гражданский человек. Можешь отдыхать, - как-то совсем не по командирски сказал капитан.

Как это не ходить? – заволновался сержант, - последняя, можно сказать, операция. На посошок, товарищ Капитан, не лишайте меня этого удовольствия. - От распивавших положительных эмоций, курить хотелось так, что уши пухли.

Хорошо подумал?

Тут и думать нечего.

Ну как хочешь. - Мирошников был даже рад, с опытными солдатами в боевой обстановке гораздо спокойнее . - А не боишься? Перед самой отправкой то?

Да ладно, товарищ капитан, не стражайте понапрасну. Делов то, харчи встретить. Вот в горы бы, наверное, не пошел, а на колонну - это с удовольствием!

В техзамыкании пойдешь, на последней машине. Горохова к тебе посадить?

А куда ж я без него? – весело сказал Кирилл и лихо выполнив команду кругом направился в оружейку.

Оставив за собой клубы дыма БТР-ы первой роты выехали на бетонку и повернули на север. Сабуров, весело болтая ногами в открытом люке БТР-а под бортовым номером 101, последний раз любовался окружавшими его со всех сторон неповторимыми горными пейзажами. Неужели пришло время расставаться? И совершенно неожиданно, как ретроспектива немого кино, перед его глазами замелькало прошлое: как в первый раз увидел эти горы ; как замерзал он в них засыпанный снегом; и как летел вниз со скалы, оглушенный упавшим сверху камнем; вспомнил бледное как мел лицо молодого лейтенанта, умиравшего на его руках от потери крови... Боже! Сколько всего было!

Покорили они его, эти немые свидетели людских страданий. Поселились в его сердце на веки вечные. «Великие Вы – горы Афганские, черт вас задери, сколько пота и крови в Вас пролито? Сколько отчаянных криков растворилось в вашем нерушимом покое? А вы стоите как истуканы и все вам нипочем. Мне вас будет не хватать. Прощайте».

Он повернулся в сторону растянувшегося на броне во весь свой немалый рост друга. Горохов, белобрысо-конопатый верзила, был детдомовцем из Омска. Славный парень, но отцы командиры с ним мучались страшно. Свободолюбивый он очень, Серега наш Горохов, так за два года в Армии и не научился он подчиняться, кому бы то ни было. За что и провел на губе бесчисленное количество времени. Но воин был бесстрашный, настоящий русский солдат. Воевал не за страх, а за совесть, за что ему многое и прощалось армейским руководством.

Горох, а Горох, спишь что ли?

Кто спишь, я спишь? В гробу я видел, такой спишь. В Союзе отоспимся.

Знаешь о чем я думаю ?

Очень интересно!

Вот смотри, какого мы дерьма в этих местах только не видели, а как пришло время уезжать так налюбоваться не могу напоследок. Как ты думаешь, чо это со мной? Аж, сердце щемит.

Это у тебя ломка, - зевнул Серега , - от недостатка в организме никотина.

Дундук ты сибирский. Неужели у тебя ничего в сердечке не екает? Послезавтра ведь улетим и никогда больше сюда не попадем.

Да ложил я, на эти пейзажи...Во они у меня где, - провел Горохов большим пальцем по горлу.- Давай лучше про гражданку поговорим.

Это можно, - сказал Кирилл и переключился на другую программу. - Представляешь, залезем мы с тобой в вертолет, помахаем Мирошникову нашему, рукой и ту-ту по домам. - Легкая тоска внутри Кирилла, сменилась радостным предвкушением скорого дембеля.

Ты же знаешь Кирюха, нет у меня дома, но в Союз я все равно хочу, Родина ведь наша!

Слушай, а давай ко мне на Урал махнем? Места у нас классные, тайга, охота, рыбалка. Если понравится, можешь остаться. Работы у нас навалом. К Максиму в Свердловске зайдём, он уж две недели как дома, вот обрадуется! Опять же, льготы ведь у нас, можно будет учиться поступить куда-нибудь. Невесту тебе справную найдем. – Не хотелось Кириллу расставаться со своим другом. Слишком много они вместе хлебнули. Одинаково страдали здесь - эти русские парни.

А что, я не против повеселевшим голосом отозвался Сергей. – Только вот невесту лучше тебе поищем. Я уж, как ни будь, обойдусь.

Мне то зачем искать, Маринка у меня проверенная девка, двадцать семь месяцев уже ждет. Мать пишет, ни с кем в порочащих связях не замечена. С работы сразу домой, навещает ее регулярно. Скучает - говорит.

Ага! То-то и оно, что «говорит», - передразнил Сергей друга. - Вернешься, сам все увидишь. Только давай договоримся, приедешь домой, сразу то не женись - погуляем малость. А то знаю я вас - женатиков. Про друзей сразу забываете.

Ты чо болтаешь, - рассердился Кирилл. - Как я тебя забуду? Неужели можно забыть как мы с тобой под Газнями на «фугас» наехали задним колесом на полном ходу, а потом летели вместе с бэтаром как фанера над Гардезом?- Кирилл, нарочно добавил голосу, обидчивые нотки. В их компании он верховодил и ему нравилось, как Сергей перед ним оправдывается

Ладно, не серчай, это я на всякий случай, - примирительно сказал Горохов и добавил, - для профилактики.

Профилактор хренов, вот приедем...

Договорить Сабуров не успел, БТР – 70 резко затормозил и остановился. В следствие чего, Сергей ударился лбом об открытую крышку люка и смачно выругался в адрес молодого механика-водителя Монины:

Моня, твою мать, шнурина конопатый, ох..л что ли? Или калабаху давно не получал?

Извиняйте товарищи гражданские, никак не могу привыкнуть к этим пневмо-гидравлическим тормозам. Ну, просто зверь, а не тормоза.

Из соседнего люка показалась обутая в черный шлемофон голова молодого голубоглазого солдата Монины - с утра проклинавшего все на свете. Это же надо так повезло? С двумя «гражданами» в одной машине. Одного Сабурова было бы выше крыши, а тут еще Горохова в последний момент подсадили. И не сидится им в бригаде...

Вот щас отожмешься на кулаках раз пятьдесят, так сразу и к тормозам привыкнешь и сигарету нам родишь. Моли бога, чтоб у меня шишка на лбу не вскочила, - сказал Кирилл спрыгивая на бетонку размять затекшие ноги. - Чо там по рации квакают?

Похоже, что впереди мины. Саперы уже работают. - Монин вылез из люка и осторожно подошел к Кириллу, заискивающе поглядывая на его лоб.

Кирилл, ты уж не сердись пожалуйста, - отжиматься, хилый Ленинградец Монин не хотел, не механико-водительское это дело, однако. - Ротный как гаркнет по рации «Всем машинам стоп!», у меня перепонки чуть не лопнули. Ну, я и даванул по тормозам.

С брони послышался настроенный на юмористическую волну голос Горохова:

Ну чо, Моня, влетел? Влетел. Не завидую я тебе. Старший сержант Сабуров очень строгий сержант, имей это в виду. Он шнуровских ошибок не прощает, советую сразу застрелиться. Или желаешь помучаться?

Лучше бы конечно, помучаться. - Врожденное чувство юмора и умение смотреть прямо в глаза дембелям сильно помогло Монину на первом году службы. Сейчас, похоже, тоже пронесло.

Ладно Моня, дуй к рации и будь на связи. Горох, ты за старшего, ежели чего. Я к Мирошнику, узнаю в чем дело. Если колона тронется, подберете меня по дороге. Все ясно?

Поравнявшись с головной машиной, на которой дислоцировался капитан Мирошников, Кирилл увидел небольшую группу ребята из саперной роты, которые осторожно работали специальными щупами в нескольких метрах от командирского БТР-а. Бетонные плиты в этом месте дороге были неестественно развернуты. Ротный стоял во весь рост на броне и глядя в бинокль, внимательно изучал горизонт. « Ну, Наполеон, не меньше», - улыбнулся про себя Кирилл.

У нас проблемы товарищ капитан?

Береженого бог бережет Сабуров. Саперам не понравилось как лежат плиты на бетонке. Говорят, на прошлой неделе они были ровнее. Щас проверят и двинем дальше. У тебя все в порядке сержант?

Вы про личную жизнь спрашиваете?

Остряк. Машина твоя как? Месяц в ремонте была после подрыва.

Нормально. Тормоза, главное, хорошие, - потер лоб Кирилл.

Ну, что парни, можно двигать? - переключился Мирошников на подошедших саперов.

Все чисто.

Гарантируете?

Сто процентов товарищ капитан. Мы свое дело знаем.

- Отлично. По машинам!,- прокричал в радио ротный, надел шлемафон и поставил Кириллу задачу. - Значит так Сабуров. На подъезде к Альтамуру, в километре от дороги, есть кишлак, Вечкирай называется. Знаешь?

Как не знать, товарищ капитан, Конечно знаю. Прочесывали его не раз, - ответил Кирилл и неожиданно для себя болтнул лишнего, - Дукан там богатый.

Капитан округлил глаза и сделал страшное лицо:

Я тебе дам, твою мать, дукан! Даже и не думай. Понял?

Я и не думал, - соврал Кирилл и прикусил язык.

Каждые пол часа по рации ты лично будешь докладывать мне обстановку. Понял?

Понял.

Повтори.

Лично буду докладывать... Да не волнуйтесь вы так товарищ Капитан, не рвите себе сердце. Что я, в первый раз что ли. Зачем мне эти головные боли с дуканами перед дембелем.- Успокаивал ротного Кирилл. Про себя же подумал: «Вот язык то у меня – вражина. », а вслух браво добавил:

Задача ясна товарищ капитан. Перед подъемом на Альтамур, съезжаю на обочину и встаю на блок . Пулемет, системы КПВТ, разворачиваю в сторону кишлака. С другой стороны дороги Монин копает окоп для стрельбы лежа и в нем Горохов, лежа естественно, занимает позицию по направлению к зеленке. Я в БТР-е на связи. За пулеметом. Когда пойдет колонна, обстреливаем все подозрительные кусты. Все правильно? – мило улыбаясь белозубой улыбкой, закончил рапортовать Кирилл.

Кроме одного, - пытаюсь придать голосу строгости, сказал Мирошников. - Почему Монин, окоп-то копает? Механик он, однако. А механам не положено.

А кто должен его копать, по-вашему?

Рядовой Горохов.

Неправда ваша, товарищ капитан. Вот Горохову как раз таки и не положено, по сроку службы, а Монину в самый раз будет. Разрешите идти?

Капитан только рукой махнул: «Иди, мол, ты Сабуров туда-то, туда-то. Но, смотри у меня». Сабуров взглядом ему ответил: «Не волнуйся ротный, не подведу. Я свое дело знаю». Головной бронетранспортер взревел и дернулся вперед, колонна поползла следом.

Дождавшись своей машины Кирилл на ходу запрыгнул на броню и сообщил Сергею радостную весть:

Живем Серега! День, похоже, задался! Стоять будем перед Альтамуром.

Правду говоришь сержант? – Горохов, аж в лице преобразился.

Я тебе когда-нибудь врал?

Не помню.

Я тем более.

Ура-а-а-а....- Горохов, на радостях, вскочил на ноги и принялся отбивать чечетку на броне.

Сядь дурила, если Мона щас не дай бог тормознет, лететь будешь до Хайратона.

Остаток пути друзья провели в оживленной беседе, обсуждая список покупок необходимых перед отлетом домой. Неожиданно возникла дискуссия по поводу кандидатуры ходока в дуکان. Горохов заявил сразу:

В кишлак пойду я. Ты должен быть на связи.

Тебе нельзя, – отрезал Кирилл.

Это еще почему?

Потому что ты, рядовой Горохов, служишь в моем отделении. Или ты забыл, что я твой командир? – Кирилл сделал очень важное лицо и ледяным шепотом добавил: - Случись с тобой чего, кто отвечать будет?

Чего это со мной может случиться? – вопросом на вопрос растерянно округлил глаза Горохов. – Ты же знаешь, я от пули заговоренный. Да и кишлак этот спокойный.

А вдруг ты по дороге, с голодухи объешься тутовника и вследствие чего обосрешься, как тебя потом ротному предъявлять? Представляешь, какой будет позор, на всю 40 -ю Армию.

Да ну тебя. Хочешь идти - иди. С тобой спорить себе дороже.

На этом дискуссия была завершена. Впереди уже возвышалась остроконечная громада Альтамура. Начинался крутой подъем вверх. У подножия горы Кирилл постучал прикладом своего АКСа по водителскому люку:

Мона! Притормаживай потихоньку. Видишь справа площадка ровная?

Вижу.

Вот на нее и рули. Съедешь на обочину, встанешь параллельно дороге и заглушишь двигатель. Понял?

Ага.

Бронетранспортер с бортовым номером 101, съехал с бетонки и затих. Сабуров развернул башню БТРа пулеметом в сторону сопки, за которой находился Вечкирай и, спрыгнув на землю с удовольствием потянулся, глядя вслед удаляющейся колонне. Он знал, что остальные машины встанут на блоки на расстоянии нескольких километров друг от друга и рота замрет блокируя свой участок ответственности, в ожидании долгожданной ниточки с продовольствием. Покой и тишину этих гор, время от времени, посмеет нарушить только человек по фамилии Мирошников, вызывая по рации старших машин, но это мелочи. Главное, что впереди несколько часов спокойной жизни. Свежий горный воздух, полное отсутствие офицеров, никакого Устава и никаких приказов. Он здесь главный, правда, на несколько часов, но все таки.

Подножье Альтамура считалось местом спокойным. Духи здесь появлялись редко, находящийся за сопкой, недалеко от бетонки кишлак, считался благонадежным, с точки зрения лояльности к «советским оккупантам» (так называли русских солдат в Афганистане ведущие радиостанции «Голос Америки»). Местный авторитет Услан, он же владелец дукана (большого железного контейнера с одним прорезанным автогеном окном), любил общаться с шурави. На Русской Армии он сделал неплохое состояние. Офицеры, прапорщички и иногда солдаты, тащили ему в обмен на всякую тайваньскую ерунду (дешевую парфюмерию и шмотки, часы с музыкой, зажигалки, жвачки, водку и т.д.) военное обмундирование, тушенку, сгущенку, сахар – в общем все то, что имело хоть какую ни будь ценность. Услан брал практически все. Рассчитаться в дукане можно было местной валютой афгани или чеками «ВНЕШПОСЫЛТОРГА», которыми солдаты ограниченного контингента получали свое жалованье. В соседстве с Советской Армией Услану жилось не плохо. Как говорится – кому война, а кому и мать родная.

Простые солдаты редко попадали в дукан. Возможностей было меньше, но случалось. Сегодня такой счастливый случай подвернулся старшему сержанту Сабурову, по крайней мере так ему казалось в тот момент, когда он смотрел в хвост уходящей колонне БТРов. Когда последняя машина скрылась за рельефным горизонтом, он степенно повернулся в сторону торчащего из люка хилого ленинградца и строго скомандовал:

Рядовой Монин! Ко мне бегом марш.

«Ну, началось», - подумал Моня. Пулей вылетел из люка и также быстро подскочил к Кириллу. Он знал – промедление, смерти подобно.

Значит, слушай задачу. – Кирилл, крупно шагая, перешел бетонку поперек и остановился на противоположной обочине. - Берешь лопату и копаешь здесь окоп для стрельбы лежа. Вот такой ширины и вот такой длины. Затем ...

Как здесь копать, тут же одни камни! – неосторожно вырвался у Монина отчаянный протест.

Не понял. Это что, бунт на корабле? Ты знаешь, сколько я окопов отрыл на первом году службы? Тебе во сне столько не увидеть. В скалах, бывало, окапывались... (Это была правда). - В общем, так, друг мой Моня. Еще одно слово и тогда будешь рыть окоп для стрельбы стоя. Понял?

Понял, – быстро осознал свою ошибку Монин и засеменял к БТРу за лопатой.

Сергей в это время готовил костер. Дрова в Афганистане в большом дефиците. Леса там есть, но очень мало. В основном горы. Лысые и скалистые горы. Зимой на местных рынках дрова продавались на вес. Поэтому в большом ходу были деревянные ящики из под снарядов и патронных цинков. Разбив один из таких ящиков, Горохов умело развел огонь и обложил его камнями.

Кирюха! – позвал Горохов друга.

Я здесь, чо орешь.

Тащи чайник, щас чайку соорудим. У меня сахарок имеется.

Кирилл залез внутрь машины достал выдавший виды черный от копоти трофейный чайник и наполнил его водой из пластмассовых фляжек.

Сергея держи самовар, мне на связь выходить пора.

Давай-давай, отметься, успокой отца-командира, – весело проворковал Горохов, с любовью пристраивая чайник на огонь. Любил он эту церемонию

Сев в водительское кресло Кирилл прислонил шлемафон к уху и включив станцию отправил в эфир свои позывные:

Катер, Катер я Карниз, как слышишь меня. Прием.

Треск и шуршание в ответ.

Катер, Катер я Карниз, как слышишь меня. Прием.

Шуршание и свист.

Катер, Катер я Карниз, как слышишь меня. Прием.

Наконец, пронизывая эфирную трескотню, будто бы с другой планеты, послышался ослабленный расстоянием голос Мирошникова:

Карниз я Катер. Как у вас? Прием.

У нас все двести двадцать два, двести двадцать два. Прием.

Вас понял, вас понял. Конец связи.

Не теряя времени, Кирилл вылез на броню, проверил свой АКС и окликнул друга:

Сергея, как у нас с пайсой?

Горохов порылся в карманах своей эксперименталки и достал чеки:

Вот все, что есть. Двадцать рублей. Трать все. Мне они, уже вряд ли понадобятся.

У меня примерно, столько же. – Вывернул свои карманы Кирилл. Прикинув в уме дебит-кредит, подвел итог: - Значится, так. На твои купим литруху «Столичной». Завтра дембель отметить надо? Надо. На мои сигарет и кока-колы. Идет?

Возьми еще блок жвачки. В Союзе будем девчонок угощать. Они это сильно приветствуют.

Идея хорошая, но на жвачку не хватит.

Давай у Мони займем.

Отдавать как? Из Первоуральска ему перевод сюда пришлем? Не по дембельски это, не красиво. Он потом своим шнурам будет рассказывать, какие у него были дембеля до денег жадные. Некрасиво это, - повторил Кирилл.

Слушай! – вдруг засветился Горохов,- совсем забыл. У меня же есть четыре пары носков. Совсем новые.

Вот это другое дело. Как раз в аккурат будет.

Горохов нырнул в БТР и через секунду извлек из его недр, так во время подвернувшуюся, продукцию Чебоксарской чулочно-носочной фабрики.

- Держи друг, последнее отдаю.

- Ладно. Не плачь. Твой зёма с вещевого склада тебе их мешок принесет.

Кирилл закинул за плечи пустой РД, взял в руки автомат и на минуту задумался, что-то прикидывая в уме:

Значит так рядовой Горохов, остаешься за старшего. Чай кипятить, с местными жителями в контакт не вступать, Моню не обижать. Через двадцать минут садишься к рации и ждешь на связи ротного. Если спросит где сержант Сабуров? Скажешь, что у него серьезная диарея и к аппарату он в данный момент подойти не в состоянии, в связи с актом дефекации. Все ясно?

Кирилл смотрел на друга улыбаясь, но тот был серьезен.

Ты там, это...- посерьезнел лицом Сергей, - поаккуратней. И, побыстрее. Ладно?

Не бзди Горохов. Делов то, на час, не больше. Ну, счастливо оставаться!

Поднявшись на сопку, Кирилл вышел на открытое плато, вдоль которого метров сто тянулась отвесная высокая скала. Посреди этого равнинного пятачка стоял огромный, вылизанный солнцем и ветрами валун, похожий на неуклюжего медведя окаменевшего тысячи лет назад. Пройдя вдоль скалы и спустившись с другой стороны холма, Кирилл увидел долину в которой и располагался, окруженный квадратными полями и редкими рощами, кишлак Вечкирай. «Еще пятнадцать минут ходу и я на месте, делов то!», – подбадривал себя солдат. Спустившись в низину он пошел вдоль разбитых на небольшие четырехугольники полей. Солнце стояло в зените и пекло нещадно, очень хотелось пить.

Дойдя до рощи, дающей небольшую тень, Кирилл остановился и снял с пояса фляжку. Отвинтив крышку, он жадно принялся пить теплую воду. Сделав несколько глотков, поморщился и сплюнув закрыл флягу. Напиться такой водой было невозможно. Прослужив два года в Афганистане, Кирилл знал, что пить теплую воду бесполезное занятие. Жажду не утолишь, а тяжесть в животе обеспечена. Либо холодная, либо горячая. «Вернусь к БТРу, налью себе полную кружку чайку, закурим с Горохом по сигаретке...»,- мечтал Кирилл облизывая сухие губы. Подойдя к длинному глиняному дувалу, опоясывающему кишлак как крепостная стена он остановился. В Вечкирай было два входа: один с запада – другой с востока. Западный был ближе, но Кирилл решил идти к восточному, потому что дуکان Услана был там. В десяти метрах от синих ворот. Конечно, можно было войти в кишлак с запада, (когда рота его прочесывала так и делали), но тогда ему одному пришлось бы пройти через весь кишлак! – это занятие для камикадзе.

« Береженого – бог бережет»,- вспомнил слова ротного Кирилл шагая лишнюю сотню метров вдоль дувала. Подходя к восточным воротам Кирилл снял автомат с предохранителя и дослал патрон в патронник: «На всякий случай».

Зайдя в Вечкирай Кирилл остановился осмотреться. Было тихо. Дверь в дуکان Услана была открыта настежь. Возле двери стояли несколько ящиков с кока-колой. Сержант облизнулся.

Справа, возле глиняной стены, сидела женщина. Рядом с ней в пыли возился, практически голый и очень чумазый ребенок. Несмотря на жару, она по самые глаза была закутана в какую то непонятную одежду. «Все у них не по-людски», - сплюнул Кирилл и решительно шагнул в дуکان. За деревянным прилавком, заваленным всякой всячиной, сидел пузатый, потный хозяин в белой одежде. Увидев русского солдата он сразу оживился и сделав доброжелательное лицо поднялся на встречу:

Салам командор!

Салам Услан!

За годы сотрудничества с парнями из России Услан успел выучить несколько десятков русских слов необходимых для успешного ведения бизнеса и поэтому в общении с ним трудностей не было, за исключением тех случаев когда «шурави» просили его сделать скидку. Тут Услан делал круглые глаза, мило улыбался и пожимая плечами делал вид, что по-русски он не знает ни слова и вообще не понимает чего от него хотят.

Обычно Кирилл торговался с ним до последнего, но на это уходило очень много времени, а сегодня его не было. Пропускать два сеанса связи было рискованно, Мирошников не дурак сразу бы догадался в чем тут дело, а залетать за два дня до дембеля было крайне не желательно. Если дойдет слух до Варцабина (его «стукач» присутствовал на всех операциях) то тогда Кириллу проще будет попасть на Луну чем домой.

Запасшись всем необходимым и сложив покупки в РД Кирилл последний раз посмотрел на Услана и весело объявил:

Все Услан, финиш. Послезавтра я барбухай Союз. Дембель мой пришел. Больше не увидимся. Ташакур тебе родной.

Услан все понял. Взял с прилавка симпатичный браслетик с красными камушками, протянул его русскому, которого он видел в последний раз в своей жизни, и весело закатив масляные глазки промурлыкал:

Держи шурави бакшиш для твой ханум. Домой придешь, бакшиш дашь ханум, любить тебя будет хоп-хоп!

Э-э-т, точно, - улыбнулся Кирилл и направился к выходу.

Выйдя из дуکانа, он осмотрелся. На грязной улице по-прежнему было безлюдно. Лишь легкий ветерок гонял серую мелкую пыль. Быстрыми шагами он направился к воротам. Пройдя несколько метров он почувствовал что, кто-то невидимый смотрит ему в след. Противные мурашки пробежали по спине, но обернуться он не решился, только ускорил шаг. Выйдя за ворота Сабуров, уже бегом, двинулся к роще. Переведя дух в тени деревьев, Кирилл решил выкурить сигаретку. После второй затяжки, (Боже! как классно!) непонятно откуда взявшаяся тревога, рассеялась. «Ну, слава богу, все по плану. Десять минут поднимаемся на сопку, быстро ее пересекаем, а там и до БТРа рукой подать. Вот Горох то обрадуется!», - представил Кирилл радостное лицо друга попыхивающего импортной сигаретой. «Ну, все. В путь!»

Обратная дорога казалась короче. Узкая тропинка весело бежала на встречу русскому солдату отслужившему верой и правдой свой срок на чужбине. «Скоро буду дома! Скоро буду дома!», -

пульсировала в голове радостная мысль. Такого приподнятого настроения Кирилл не испытывал давно. Расположившееся в зените солнышко ласкало мужественное лицо мягкими лучами, а чужие птицы стали петь как то веселей, по – домашнему. Он вспомнил свой родной Урал, звенящую тайгу и лесные озера. Неожиданно пред глазами всплыло лицо матери, всю жизнь отдавшей своему единственному сыну. Вспомнил свою школу, выпускной вечер. Вспомнил как первый раз целовал свою Маринку на автобусной остановке. Вспомнил первый прыжок с парашютом в местном ДОСААФ. Вспомнил призывной пункт, учебку, первую боевую операцию в горах Афганистана. Вспомнил своих дембелей, жестоких, но справедливых, научивших его выживать на войне...

Оказывается, так много есть чего вспомнить, двадцатилетнему солдату, два года отдавшему Русской Армии. «И вся жизнь у меня впереди, и я ее хозяин! Ух ты-ы-ы!», - от этой восхитительной и светлой мысли у Кирилла перехватило дух. Он испытал неведомое ему доселе блаженство. Приятное облако, родившись в груди, бархатными волнами, не торопливо растекалось по телу. Казалось, каждая клеточка светится блаженством. Ему скорее хотелось добежать до Сергея и поделиться с ним пережитой радостью. Кириллу казалось, что он увидел то, что никогда не видел раньше. Он осознал ЭТО! Невидимое, но желанное всеми. Он понял счастье!!!

Ему казалось, что он уже не бежит, а просто летит. «Быстрее к Гороху! Надо ему передать это состояние, он поймет, он же мой друг!»

Выскочив на плато Кирилл, немного отдышавшись, направился в сторону валуна-медведя, весело насвистывая про себя: « А у десантника судьба порой, коротка как рукопашный бой...

Выстрела он не услышал, но понял, что стреляли слева. Пуля ударила о скалу в нескольких сантиметрах от его головы, отколошила и с леденящим душу свистом удалилась в сторону солнца...

....Нащупав рукой валявшийся неподалеку автомат, он приподнялся на руках и осторожно, с опаской, выглянул из-за камня. Где же ты притих бача? Наверное, в развалинах мертвого кишлака, что в двухстах метрах у начала «зеленки». Бляха муха, что же делать? Наверняка я у него на мушке. Перестраивая сознание на новую, совсем нерадостную волну, Кирилл снял с плеч рюкзак и, закрыв глаза, прислонился спиной к прохладному камню. « Расслабился сукин сын, хозяин жизни, мать твою. Забыл, где находишься? Дембель Советской Армии. Даже шнур бы догадался, что обратно надо было идти другой дорогой. Обогнул бы сопку справа и вышел на бетонку метрах в двухстах от БТРа. Пятнадцать минут лишних шагать не захотел, десантник хренов. Забыл науку дембельскую? Вход в кишлак рубль, выход два.»

От нахлынувшего чувства досады Кирилл закусил губу и несколько раз со всей силы ударил кулаком об камень, испустив при этом звериный вопль. Через несколько секунд мозг осознал боль разбитой в кровь кисти, и это вернуло солдату хладнокровие. Надо было что-то, предпринимать. То, что он превратился в мишень – факт. Стрелок, видел свой промах, он также видел в какую ловушку попал шурави и он ждал его действий. Душманы очень терпеливый народ и Кирилл это знал. Его будут пасти несколько часов до появления колонны. Стрелок знает, что рано или поздно русский высунется из-за камня. Можно, конечно, отсиживаясь за камнем, дожидаться возвращения роты, которая его обязательно найдет. Но об этом тут же, по возвращению в бригаду узнает полковник Варцабин, а там могут и под трибунал отдать. Есть такая статья в уголовном кодексе: «Оставление части». Но страшно было даже не это. Минут через тридцать, Горохов не дождавшись друга, наверняка пойдет искать Кирилла и выедет на линию огня невидимого снайпера. Вряд ли тот промахнется во второй раз. «Что же делать?», - терзал себя риторическим вопросом Кирилл.

«Так, спокойно сержант Сабуров, без паники. Не все так плохо», - успокаивал себя солдат. - Не может же он вечно смотреть в прорезь прицела? Не может. Глаза тоже имеют свойство уставать. Внимание рассеивается. Пару минут подожду, и сделаю сумасшедший рывок по тропинке к спуску. По открытой местности всего то, метров тридцать, а там спасительный обрыв. Бежать буду как бегемот на стометровке. » Вспомнив, что он неплохо бегаёт, Кирилл улыбнулся: - «Ну, мне бы только до БТРа добраться, - успокоившись, злорадно мечтал Кирилл. – Разверну крупнокалиберный ствол в сторону зеленки и камня на камне не оставлю. Суки душманские». Он мельком взглянул на часы. Пора. Неожиданно появившаяся злость придала дополнительные силы необходимые для стремительного бега. « Ну все, бегом марш старший сержант Сабуров. Ни пуха тебе, ни пера».

Кирилл пошел на хитрость. РД с покупками, отвлекая внимание стрелка, он выбросил в одну сторону, а сам, согнувшись дугой, бросился в сторону крутого спуска выводящего тропу на бетонку. В сторону жизни - его жизни...

«Боже, почему так тяжело бежать? Ноги словно ватные, что за хрень такая? Еще немного и пол пути я сделал. Почему он не стреляет? А может, он слинял давно? А я сидел, как дурак за камнем... Пол пути есть, слава богу, уже дорогу видно. Еще немного, метров десять и все...!»

Сначала Кириллу показалось, что он просто споткнулся, а затем, кто-то невидимый со всей силы ударил его тяжелым железным прутком чуть ниже колена. Приземляясь на левую ногу, он почувствовал пустоту. Приземляться было не на что. Кирилл упал лицом оземь.

Находясь в горячке смертельного спринта, он успел осознать, что произошло что-то непоправимо-страшное. Но что? В ушах звенело, из разбитого носа текла кровь, перемешанная с грязью. «Почему я лежу? Надо бежать, немного ведь осталось, но почему так жутко горит нога. Mamочка, как больно». Кирилл с огромным трудом перевернулся на спину, оторвал голову от земли и, протерев рукавом забитые пылью глаза увидел то, что не дай бог кому ни будь в жизни увидеть. Разрывная пуля, раздробив кость, превратила его голень в кровавое месиво, красное пятно под ногами расплывалось ужасно быстро. Русская кровь, обильно пропитывая афганскую пыль, неспеша уносила с собой молодую жизнь. Воля оставила Кирилла. Ужас осознанной им беды парализовал его тело. Он бессильно откинул голову на землю, до боли зажмурил глаза и попытался кричать. Сухие связки выдали лишь жалкий скрип. Кирилл скулил от боли и обиды. «Как же так? За что? Mamочка родная помоги. Горох, где ты? Ну, давай быстрее сюда, спаси меня друг, сделай что нибудь! Ой, как больно, мама! За что...?» Неожиданно боль немного стихла и Кириллу стало холодно. Он открыл глаза и увидел белое солнце. Оно светило, но не грело. Шок прошел. «Ты чо лежишь, мать твою! Еще пять минут, и сдохнешь от потери крови. Перевяжи себе ногу выше колена. Тебя показывали как это делается в учебке. И не распускай слюни - нога не голова, без нее можно жить. Быстрее шевелись время уходит!», - кричала внутри него жизнь.

Собрав последние крупинцы воли, Кирилл слабыми руками расстегнул брючный ремень и попытался вытащить его из-под себя. Для этого надо было немного приподняться. Сил не было. «Давай-давай, мать твою, перевернись набок, так легче будет. Молодец, у тебя все получится.», - подбадривала его жизнь. Лежа на правом боку, он подтянул к себе остатки левой ноги, с неестественно вывернутым в сторону пыльным ботинком, и, теряя последние силы, перетянул себе бедро. «Ты настоящий мужчина, - кричала жизнь, - у тебя получилось!» И тут... он услышал за спиной мягкое шуршание чьей то поступи. «Где автомат?», - успел подумать Кирилл, переворачиваясь на спину. Автомата не было. Зато был он, пятнадцатилетний афганский паренек с волчьим взором, старинным «буром» и калошами на босую ногу. Заслоняя собой солнце, он с любопытством охотника разглядывал свой трофей. От досады Кирилл зажмурился до боли. «Недоносок меня подстрелил, боже мой, как глупо и обидно». И тут он понял, что сейчас умрет. Просто и обыденно, как умирали до него тысячи других. Открыв веки и, спокойно посмотрев в

глаза судьбы, он увидел взгляд своей смерти, осмысленной и запланированной. «Это твой выпускной экзамен сержант, соберись...» - услышал он незнакомый ледяной шепот.

Бача, не торопясь, подошел к лежащему на земле солдату и хладнокровно вставил ствол винтовки ему в рот. Кирилл ощутил вкус холодно-кислого металла и, в тот же миг, увидел яркую вспышку. «Ты убил меня мальчик. Убил???...»

Гвардии старшего сержанта ВДВ Кирилла Сабурова на Земле не стало.

* * *

...рядовой Горохов сидел возле БТРа над изуродованным телом друга и глядел остекленевшими глазами в бесконечность. На броне судорожно рыдал Монин. Из открытого люка доносился искаженный эфиром голос командира роты:

Карниз, карниз, я катер. Прием.

- Карниз, карниз, я катер. Прием.

Карниз, карниз, я катер. Прием.

Вы чо там, уснули? Сабуров, ответь немедленно. – Мирошникову никто не отвечал.

- Карниз, карниз, я катер. Прием. Ну, вернемся в бригаду я вам вставлю, гражданские. Мать вашу.

- Карниз, карниз, я катер. Прием...

Горохов, машинально поднялся и полез на «броню». Он не осознавал своих движений. В голове бесконечно стучали два слова: «Кирилла убили. Кирилла убили. Кирилла убили...»

Нажав на клавишу, механическим голосом он послал в эфир позывные 101-го БТРа:

Я, Карниз слышу вас хорошо. Прием.

Горохов, ты что ли? Почему молчали так долго? Где Сабуров? У вас все в порядке? У вас двести двадцать два?

Нет, у нас все не в порядке, - ответил Сергей. – У нас двухсотый.

Что-о-о-? Кто-о-о-о? – заорал в трубку Мирошников.

Кирилл, - сказал Сергей и выключив станцию, заплакал.

***

...человек смертен, но это было бы еще полбеды.

Плохо то, что он иногда внезапно смертен...

М.А. Булгаков.